

Вячеслав Егоров с котенком Лизой в день освобождения из колонии / Фото: SOTA

18.08.2022, 12:23 **Московская область**

свой опыт

«Заклученные понимают происходящее гораздо лучше»: монолог только что освободившегося из колонии Вячеслава Егорова

Коломенский активист Вячеслав Егоров, выступавший против строительства мусорного полигона «Воловичи», 8 августа **вышел** из колонии. В октябре 2021 года суд признал его виновным по статье о неоднократном нарушении правил проведения акций (ст. 212.1 УК) и **приговорил** к году и трем месяцам колонии общего режима. Публикуем рассказ Егорова о том, как изменилась его жизнь после освобождения.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Из колонии я вышел чуть больше недели назад. В тюрьме ты живешь так, что все время думать об освобождении, планировать что-то просто невозможно — сойдешь с ума. Поэтому все идет как идет. И день освобождения — это такой же обычный день, как и любой другой.

Когда тебя встречают друзья, родственники, близкие люди, с которыми мы проходили весь этот путь с помойкой, приезжают поддержать даже незнакомые люди — это невероятно. Когда обнимаешься со всеми, разговариваешь, чувствуешь прилив позитивных эмоций, а некоторые ведь проехали шесть часов из Москвы, чтобы только встретиться со мной.

Такую поддержку я ощущал на протяжении всего заключения, на самом деле. Мне писали и знакомые, и друзья, но особенно поражало количество писем от незнакомых людей. Они узнавали о моем деле от правозащитных организаций, из постов в фейсбуке. Несколько человек постоянно были со мной на связи: писали мне сначала в СИЗО, потом в колонию раз в неделю-две. Когда вышел, узнал, что некоторые письма до меня так и не дошли.

Всю первую неделю после освобождения я акклиматизировался, общался с родственниками и друзьями. Сразу же вышел на работу в агентство недвижимости, где работал и раньше. Меня там очень ждали и все то время, что я находился в заключении, поддерживали — как морально, так и материально.

Пока я только снова вникаю в работу. Это долгий процесс, потому что и рынок изменился, и много нерешенных проблем за год накопилось. Но нужно зарабатывать деньги, поэтому я сейчас в боевом настрое — принял все оставшиеся дела и осваиваюсь в новых процессах.

Вячеслав Егоров, адвокат Мария Эйсмонт, правозащитница Алла Фролова и адвокат Михаил Бирюков у суда в Коломне. 3 сентября 2021 год / Фото: Михаил Бирюков

Если не касаться политических событий, кажется, что за год в бытовом плане ничего в России и не изменилось. Так же едешь по городу, общаешься с людьми... Никаких намеков на то, как мир за это время поменялся. Такое ощущение сохраняется до того момента, пока ты не начинаешь говорить с людьми о происходящем в Украине. Тут уже становится понятно, что у всех разные позиции по этому поводу. Возникают недопонимания и разногласия.

Телевизор я принципиально в колонии не смотрел, слышал только об отдельных новостях, которые обсуждали

арестанты. Но связь с внешним миром у меня тем не менее сохранялась. В колонии же разрешены звонки, так что некоторое представление из разговоров с родственниками я получал, но старался в информационный поток не углубляться. Иначе было бы очень тяжело, особенно после 24 февраля.

О произошедшем я узнал несколько дней спустя. Подумал, что жизнь в России уже не будет прежней. Какие-то выводы делать тогда было еще рано, обсуждать это с кем-то в колонии я не стал. Все-таки для такого разговора нужны люди с определенным складом мозга. В тюрьме их не так много, хотя, на мой взгляд, заключенные понимают происходящее гораздо лучше, чем люди на свободе, им труднее запудрить мозги.

Сам я разговоры на политические темы с заключенными никогда не инициировал, старался даже обходить стороной, потому что спорить или переубеждать кого-то не хотелось.

Знаю, как некоторые мои знакомые после 24 февраля каждый день читали трагические новости и очень переживали, что и сделать ничего не могут, и позицию свою выразить тоже. В тюрьме это ощущается еще тяжелее, поэтому мой мозг пытался блокировать информационный поток и как-то от него отгородиться. Как бы цинично это ни звучало, но я выбрал такой путь осознанно и старался жить той жизнью, которая у меня была в тюрьме, концентрируясь именно на этом.

А жизнь у меня была самая обычная: подъем, завтрак, работа, свободное время, ужин и тихий час. Работал я, как и Алексей Навальный, в швейной мастерской. Поскольку срок у меня был небольшой, мне доверили «сложнейшую» операцию по обрезанию ниточек, которые оставались после пошива изделия — рабочего костюма или куртки, например, чтобы потом эти изделия можно было

запаковать и отправить куда-то. В свободное время можно было заниматься спортом или читать.

Я старался много читать — это отвлекает и дает возможность развиваться. Выбор во ФСИНовской библиотеке скудный, но заключенные активно передавали друг другу личные книги — так можно было найти много интересных, современных книг. Если ничего современного не находилось, читал незабвенную классику: и Драйзера, и [Льва] Толстого, и Достоевского.

Там практически в каждом отряде было по кошке — нашу отрядную звали Мурка. Иногда эти кошки беременеют и рожают, и вот с котятами нужно тогда что-то делать. Одного из котят нашей Мурки — беленькую с палевыми ушками и хвостиком девочку Лизу — согласились взять домой родственники одного из заключенных. Он к этой кошке привязался, у них полное взаимопонимание. А я вынес Лизу на волю и передал его семье. Сейчас у нее все хорошо. Она вся у нас такая зацелованная, заласканная была, очень доброе существо.

Жалею ли я о том, что оказался в колонии? Мне сложно говорить об этом, потому что сослагательного наклонения для меня не существует. Все мои действия были осознанными. Конечно, я не собирался никогда садиться в тюрьму, но понимал, что это возможно. Хотелось добиться закрытия полигона без жертв, но такая уж жертва произошла. Ничего не поделаешь — едем дальше.

Хорошо, что с основной проблемой, которая висела над нашим городом в виде химической бомбы, мы разобрались. Высокую ли цену мы за это заплатили, я не могу сказать. Что произошло, то произошло. Знаю, что нельзя было промолчать и ничего не сделать. Конечно, пострадали от этого все, и я, но это Бог с ним. Тяжелее всего осознавать, что все это ложится на плечи моих детей, жены и мамы, которые меня все это время очень

поддерживали. Никаких далеко идущих планов я пока не строю. Планировать в современной России что-то дальше, чем на месяц вперед, бессмысленно.

Записала Карина Меркурьева

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело Вячеслава Егорова

Коломенского активиста, выступающего против мусорного полигона, обвиняют в неоднократных нарушениях порядка проведения публичных мероприятий.

6 22

Ещё почитать

17.02.2026 Московская область

На журналиста, «по приколу» ставшего «иноагентом», завели уголовное дело по «иноагентской» статье

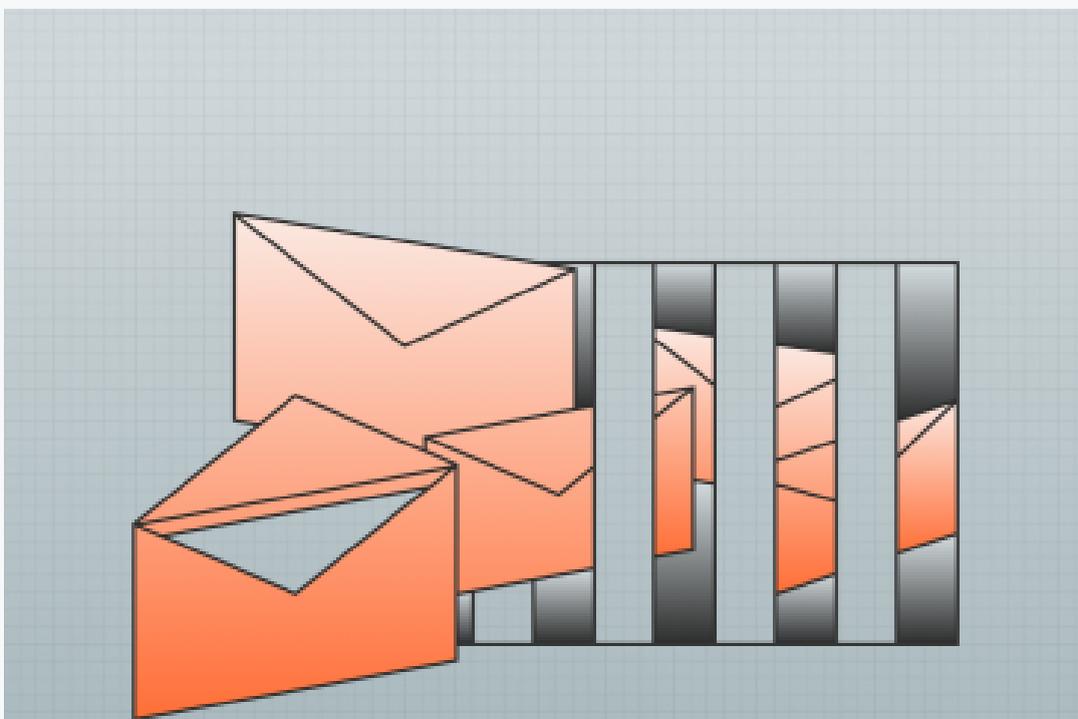
21.10.2021 Оренбургская область

Фигуранта дела «Сети» снова поместили в ШИЗО — в этот раз на трое суток

«Сотрудник колонии нашел номер мамы, написал ей и передал мне привет». Интервью с музыкантом Игорем Левченко после выхода из колонии

В изоляторе Левченко избили со словами: «Ну что, слава России или слава Украине?!»

Как написать письмо в тюрьму политзаключенным

Письма — простой и действенный способ поддержать тех, кого государство преследует по политическим мотивам. Кому, что и как писать — объясняем в нашей инструкции.

Требуем запретить «карусельные» аресты

В октябре 2025 года суд в Петербурге отправил под административный арест участников группы «Стоптайм»: вокалистку Диану Логинову (Наоко), барабанщика Владислава Леонтьева и гитариста...

Дело о «Маяковских чтениях»

35 новостей и текстов по теме